ках дано — «дискотека». или приходи.
Над этим, значит, скоплени-

М. ГАЛКИНА.

ций автомобиля «ИЖ-2126». Так, в 1993 году предпола-

Фото А. Седельникова. (ИТАР—ТАСС)

Была привычная корысть лжи, за которую так или иначе награждали..., это лживость особая, самим человеком почти не сознаваемая, привычная жизнь выдуманными чувствами, уже давно, разумеется, ставшими второй натурой, а все-таки выдуманными.

И. БУНИН «Окаянные дни».

ИСТОРИЯ ДНЕЙ

МИНУВШИХ И НАСТОЯЩИХ

Иваны,

В ЭТИХ ЗАМЕТКАХ я позволю себе еще много цитат, а поэтому и начинаю с одной из них — из книги «Черногорск».

«Улица Юбилейная берет начало от Дворца культуры. Красавец дворец виден издали. Невольно залюбуешься этим стройным серым зданием, украшенным белыми лепными барельефами..., фасады некоторых многоэтажных домов украшены мозаикой, цветным орнаментом».

Дворцов в Черногорске много. Целых три. И все — с большой буквы. Кажется, с тех пор, как был объявлен мир хижинам, а дворцам, соответственно, война, у нас появилось какое-то нездоровое пренебрежение к ним. И вместе с тем необъяснимая тяга иметь свои, доморощенные дворцы.

Прохожу мимо скучного «стройного серого здания» с отбитой штукатуркой, выщербленными ступенями, обрывками «наглядной агитации», казенным интерьером. Здесь проводят торжественные собрания, дискотеки, показывают видеофильмы. Суета по большей части равнодушных и бессмысленных лиц, густой незатейливый мат. Без причины, просто так. Самое необъяснимое, что просто так..

Однообразные, отштампованные дома. Сворачиваю в подъезд, успевая заметить, как знакомая «интеллигентная» дама опрокидывает под ноги ошалевшего дворника полное ведро мусора. Ветер поднимает обрывки бумаги до пятого этажа...

У истории, как теперь выражаются, не бывает сослагательного наклонения. А все же хочется понять, могла ли быть другая судьба у этого города, какой она могла быть и какой будет?

Об основательнице Черногорских копей Баландиной из подшивок местных газет узнается немногое: купчиха, эксплуататорша, самодурка...

Краткая биографическая справка. Вера Арсентьевна Баландина родилась в 1871 г. в с. Новоселово Минусинского уезда. Слушала лекции в Сорбонне и работала в институте Пастера в Париже, была ассистентом по неорганической химии в Санкт-Петербургском университете по анализу Сибирских озер. С осени 1920 г. — химик Сибирского ученого медицинского Совета. Состояла действительным членом около десяти русских и зарубежных физико-химических, экономических и минералогических обществ. Имеет более 50 печатных и рукописных работ.

Была сокурсницей и близкой подругой Ольги Ильиничны Ульяновой, участвовала в революционном движении. Еще до октября 1917 года передала свою недвижимость народу.

В УПОМЯНУТОЙ выше книге «Черногорск» роль первооткрывателя местного угля приписывается управляющему С. К. Окулову, а Баландина характеризуется тем, что на ее шахтах рабочие подвергались чудовищной эксплуатации. А вот что говорят биографические документы, хранящиеся в местном музее: «Распространение паровых машин заставило Баландину искать минеральное топливо. Осмотрела месторождение по р. Тубе. Уголь оказался слабым. Плавала по Абакану на Изыхские копи, но убедилась, что доставка оттуда невозможна. Тогда задалась вопросом: где дальше должны пролегать пласты? Стала припоминать лекции о внешних признаках залегания... и снарядила экспедицию в эти места. Здесь обнаружилось мощное месторождение угля».

К той же теме: в 1897 году Баландина недалеко от Енисейска открыла первый в Сибири алмаз, за что была избрана пожизненным действительным членом Минералогического общества при Санкт-Петербургском университете. В 30-х годах она передала его в минералогический музей Академии наук СССР. Как сообщалось, это месторождение было названо впоследствии именем Баландиной.

Что касается положения на копях рабочих, то оно действительно было не из легких. Но вот любопытные цифры из газеты «Власть труда» от 1914 года. Неквалифицированный рабочий получал в месяц около 30 рублей. А тот же Окулов, знающий специалист, у прежнего хозяина — 35 рублей, у Баландиной — втрое больше. Для примера: корова в те времена стоила 5 рублей. Кстати, по версиям некоторых современников, Окулов не раз получал замечания от наезжавшей сюда Баландиной за грубое обращение с шахтерами и самовольное увеличение рабочего дня.

Из книги «Черногорск»: «Рабочие сами строили себе жилища. Это была одновременно комната и кухня. На семью такое помещение 4х4 метра считалось иметь за счастье. Так и тянулись годы...

Но были люди, которые думали иначе. Они видели будущее трудового народа светлым и радостным».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ современницы О. Киселевой, которая видит причины трудностей в начальном периоде обустройства: «Наверху был домик в три комнаты, где жил управляющий. От этого домика тянулись маленькие мазанки, где жили одинаково рабочие и служащие. Обеспечение топливом было от хозяев, уголь развозили по квартирам. Была ли какая норма, не знаю. Медицинское обслуживание было бесплатным. Имелась аптека с необходимыми медикаментами. Фельдшер на руднике был постоянным, а врач приезжал из Минусинска. Продукты люди брали через лавку, а также покупали на базарах в Абакане и Минусинске. Многие имели коров. Впоследствии Баландина организовала общество потребителей».

Неблагодарное дело — проводить параллели через 80 лет. Но, кажется, мы недалеко ушли. После тяжелого труда (а он, признано официально, невыгодно отличается от «эксплуатации» негров на шахтах ЮАР), горняки возвращаются, по преимуществу в те же мазанки или трущобы так называемого Девятого поселка, не заслужившего даже нормального имени. Выбить ссуду на строительство дома — дело почти нереальное. Зато по спискам, имеющимся у народных депутатов, редкий руководитель, имея прекрасную квартиру, не взял эту ссуду. Кто-то из них строит хоромы, кто-то потратил деньги на наличные нужды.

Из доклада уездного исправника начальнику Енисейского губернского управления от 25 февраля 1910 года. «Рабочие в числе 120 человек без всякого предупреждения прекратили работы, требуя увеличения зарплаты. При этом никаких беспорядков не было. Прекратившие работу рассчитываются и ухо-

Фото В. Куприянова.

не помнящие родства?

дят. Из оставшихся 30 человек заявили управляющему о желании продолжить работу и есть надежда, что завтра возобновят работу те, коих управление признает возможным оставить у себя на службе. Об этом сообщаю Вашему высокоблагородию и присовокупляю, что постороннего влияния к устройству забастовки не замечено».

Из книги «Черногорск». «Немного добились шахтеры своей забастовкой. Большинство их требований так и не было удовлетворено. Но нельзя сказать, что борьба оказалась бесполезной. Она воспитывала в них качества, необходимые в грядущей революции».

Факт наших дней: в 1989 году рабочие угольных предприятий города создали забастовочный комитет, который выступил с требованием повышения зарплаты, улучшения условий труда и быта. Результат известен. Рабочие не добились ничего. Но борьба сплотила горняков.

Из отчета общества вспоможения С-Петербургским высшим женским курсам. «В Енисейске Баландина открывает бесплатную школу девочек, которых сбучает сама. Состоит в то же время распорядительницей воскресной школы, открывает книжный склад, библиотеку для интеллигентных читателей и читальню для народа, возводит обширное здание для народной аудитории и школы, организует ясли в с. Новоселово и школу при заводе в Минусинском уезде, где сама занимается летом, устраивает метеостанцию и химическую лабораторию, делает доклады и публичные лекции, широкой рукой оказывает помощь учащимся. Открыла дешевую столовую и чайную. Однако перечня **этих работ достаточно, чтобы представить себе, каковы силы и желание работать».**

ДАЛЕКО не только этим перечнем исчерпывается деятельность Баландиной. Судя по документам, она первой поняла, что без железной дороги развитие края невозможно. На совещании у генерал-губернатора она высказалась за проведение Ачинско-Минусинской дороги, хотя большинство голосовало за канское направление. Таким образом, инициатива и средства для изысканий по строительству дороги Ачинск—Абакан полностью принадлежат ей. «Я была первой и единственной женщиной, участвовавшей на заседаниях комиссии по постройке железных дорог при Министерстве финансов», — вспоминает впоследствии Баландина.

Но это уже были другие времена. На Черной горе появились красные лозунги с обещаниями всеобщего благоденствия.

Из книги «Черногорск». «Улучшилась жизнь рабочих, повысился их политический, общеобразовательный и культурный уровень... В 1931 году только в шахтах работал 341 ударник. Более половины рабочих копей включились во всенародное движение... Люди трудились с небывалым энтузиазмом».

Из газеты «Удар», 1931 года. «Выполнение полугодовой программы остается на уровне 40—50 проц. Все должны знать, что прорыв кроется в неосуществлении авангардной роли коммунистов. Надо возглавить работу под углом мобилизации масс, за возглавление творческой инициативы масс, решительной борьбы с пролезшим классовым врагом путем его выявления и изоляции».

По сути, в 1931 году на копях проявился, может быть, первый кризис системы. Рабочие не могли понять и принять характера общенародной собственности при ухудшении жизни. Явное равнодушие к труду, пренебрежение к редким механизмам и привело к небывалому ранее срыву.

Из газеты «Удар», 1931 год. «На шахтах абсолютное большинство рабочих — новые, пришедшие с полей. Большинство впервые взялись за работы «не на себя». Каждый из них ждал должного разъяснения, а в бараках выпущено только 11 стенгазет. В комнатах стоит грязь, игра в карты на продовольственные талоны... Надо устранить оппортунистическое отношение, ввести коллективную ответственность за план, заняться политобразованием. Существуют настроения, что летом учиться невозможно. Эти настроения являются непартийными». И еще: «Ходит по лаве мастер Лебедев и материт каждого: плохо работают — материт, хорошо — тоже».

Я не мог проследить судьбу Баландиной после 1930 года. Известно только, что еще до революции крестьяне, благодаря хорошему отношению к Вере Арсентьевне, выделили ей 25 гектаров неудобий на правом берегу Енисея для показательного участка лекарственных эфироносных и фруктовых растений. Она сделала там образцовое хозяйство. Выращивала даже фиалки, не хуже знаменитых пармских в Италии.

ПРИ СОВЕТСКОЙ власти Баландина устроила в хозяйстве заводик по перегонке эфирных масел. Однако власть интересовалась эфироносами меньше всего. Завод закрыли. Оборудование растащили самогонщики, а на самом участке расположился дом отдыха НКВД и устроены погреба военного ведомства. Предположительно, судьба ее с НКВД связана более тесно. Основание для этого дает, в частности, документ Енисейского краеведческого музея от 6 января 1932 г. «В библиотеке нашего музея есть брошюра Баландиной «О современных событиях и о войне». В ней выражены эсеровские взгляды на войну и брошюра не может быть использована в качестве музейной экспозиции». Умерла Вера Арсентьевна в 1943 году. При каких обстоятельствах — можно только догадываться.

Здесь приведены лишь основные этапы ее деятельности, хотя и по ним видно, как много удалось сделать. И все это, как она пишет, «на свой страх и риск, благодаря доброй репутации, доверию населения, честным путем, без взяток и подкупов, без чего, говорили, нельзя провести проект Ачинско-Минусинской железной дороги. И я чувствую полнее удовлетворение от своей работы».

Замечено многими: кто-то из бывших отцов Черногорска питал большое пристрастие к личности Чапаева. Не говоря об улице его имени, в центре стоит сам многометровый Василий Иванович в бурке, при шашке и маузере за поясом. Ничего не имею против красного комдива. Но и что сказать... за последние годы столько слов произнесено о примирении, соборности, восстановлении разорванных исторических связей. Вот и подумать бы, в качестве первого практического шага, о создании памятника этой, безусловно, замечательной женщине. Во всяком случае, она заслужила его не меньше, чем ее земляк из Новоселово, усыпанный недолгими официозными лаврами. А мы и сегодня остаемся Иванами, не помнящими родства.

С. ИВАНОВ.